

DOI: 10.34020/2073-6495-2021-2-022-034

УДК 330.834

МИФОЛОГИЯ «КРИЗИСА КЕЙНСИАНСТВА» ИЛИ КУДА КЕЙНС ЗОВЕТ РОССИЮ?¹

Баликоев В.З.

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: balikoev1941@yandex.ru

В статье анализируется и критикуется порочная практика экономистов приписывания выдающимся экономистам идей, которые они не разрабатывали. Практика, существовавшая в XIX, XX вв. Существует она и сегодня. Она наносила и сегодня наносит огромный вред развитию экономической теории и конкретных и специальных экономических наук. Особенно в последнее столетие достается кейнсианству, так как именно оно отчетливо обозначило водораздел между устаревшей, но очень живучей экономической теорией «laissez-faire» – «невидимой руки рынка», свободной конкуренции и государственного регулирования экономики. В связи с этим в экономической теории постоянно поднимается вопрос о некоем «кризисе кейнсианства», свидетельствующий, якобы, о том, что кейнсианство как экономическая теория устарело. В статье, наоборот, доказывается, что «кризис кейнсианства» надуман и носит идеологический характер. Само же кейнсианство актуально сегодня как никогда, особенно в условиях России, где, по глубокому убеждению автора, медленно, но верно формируется рыночная экономика государственного типа, называемая государственным капитализмом.

Ключевые слова: переосмысление классиков, «кризис кейнсианства», государственное регулирование экономики, государственный капитализм, принцип историзма.

THE MYTHOLOGY OF THE «KEYNESIAN CRISIS» OR WHERE IS KEYNES CALLING RUSSIA?

Balikoev V.Z.

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: balikoev1941@yandex.ru

The article analyzes and criticizes a vicious practice of the economists who attribute the ideas to the eminent economists who didn't elaborate those ideas. The practice existed in the 19th and 20th centuries. It does exist today. It has done a huge damage to the development of economic theory and certain and specific economic sciences. Especially in the last century Keynesianism was at the receiving end since it clearly defined the watershed between the obsolete but die-hard «laissez-faire» economic theory – «invisible hand of the market», free competition and government management of the economy. In this regard the economic theory constantly faces the question of certain «Keynesianism crisis», allegedly indicative of obsolescence of Keynesianism as economic theory. The article on the contrary

¹ Вторая половина названия статьи позаимствована из монографии С.С. Дзарасова, замечательного советского и российского экономиста и моего учителя в МГУ им. М.В. Ломоносова [5]. В ней профессор Дзарасов критикует современные ему методы реформирования экономики России и ратует за избрание ею третьего пути развития, а именно формирование в стране планово-рыночной экономики [5, с. 4].

proves that «Keynesianism crisis» is far-fetched and of ideological nature. Keynesianism itself is relevant today, more than ever, especially in the conditions of Russia, where, according to invincible belief of the author, state-directed market economy named state capitalism is being formed slowly and surely.

Keywords: reinterpretation of the classics, «the crisis of Keynesianism», state regulation of the economy, state capitalism, the principle of historicism.

С давних времен в экономической литературе сложилась традиция приписывать выдающимся экономистам-теоретикам то, что они не разрабатывали. В советское время достаточно часто во время дискуссий солидные и авторитетные ученые-экономисты применяли такой прием: приводили цитату из произведений классиков марксизма-ленинизма, а потом давали волю фантазии – «К. Маркс или В.И. Ленин тем самым хотели сказать...». Начинались комментарии к цитате, которые выдавались за мнение самих Маркса или Ленина. Беда была в том, что классики писали всегда очень четко и ясно, особенно там, где излагались принципиальные вещи, и комментировать их не было никакой необходимости. Тем более извращать. Ученые просто соревновались в глубине, как им казалось, знания работ классиков. Отсюда у них появлялись и понятия «сущности», «глубокой сущности», «самой глубокой сущности» экономического, социального или политического события, которыми изобиловала советская научная мысль. Прямо-таки «50 оттенков серого». К сожалению, в марксистской экономической мысли эта практика привела к ее извращению и потере ею принципиальных положений, а вместе с этим фундаментальной и конструктивной силы. Таким образом, практика додумывания за кого-то и комментирования кого-то ничего хорошего и положительного ни одной социально - экономической науке не приносила и не приносит.

Но если я кинул камень критики в советское прошлое социально-экономических наук, что я делаю очень редко, это вовсе не означает, что сегодня такого явления в указанных науках нет. Не только есть, но, к сожалению, данный прием применяется гораздо шире, чем во времена СССР. Там занимались комментированием только классиков марксизма-ленинизма. В настоящее же время этим занимаются в отношении любого более или менее известного автора или учения. Достается всем направлениям буржуазной политической экономии. Правда, сегодня термин – «буржуазный» – не очень популярен в науке и напрасно. Буржуазия – люди, живущие за счет доходов от собственности, никуда не делась, как никуда не делись и их экономические интересы. Наоборот, мы в России пытаемся преумножить численность буржуазии (малое и среднее предпринимательство). Экономическая же теория, защищающая частную собственность, а это и есть интересы буржуазии, естественно, является буржуазной. Стало быть, по существу все экономические учения и их направления сегодня являются буржуазными. Классическая политическая экономия, которая ассоциируется с именем К. Маркса и называется пролетарской, наоборот, сегодня как раз не в моде. И напрасно. Идеология из экономической теории никуда не делась, и забвение этой простой аксиомы нашими экономистами часто играет с ними злую шутку, так как современная экономическая теория в своих фундамен-

тальных положениях состоит именно из классической политической экономии марксистского толка. Те же, кто помнят классическую политическую экономию, часто ее перевирают, а то и извращают. Одни по тем же самым идеологическим соображениям, другие просто ее плохо или поверхностно знают. В рамках курса истории экономических учений. Именно эта особенность постижения современной экономической теории и привела к такой непродуктивной особенности современных экономистов: смещать акценты в содержании тех или иных экономических теорий, особенно в их оценках. *Проблема в том, что неглубокое понимание теории экономистами, незнание ее фундаментальных основ, часто граничащие с извращением ее сути, переносятся на саму теорию.*

В указанном смысле больше всего и в советское время, и сегодня додается кейнсианству – экономическому учению Дж.М. Кейнса о государственном регулировании рыночной экономики (ГРЭ). В чем заключается суть поставленной выше проблемы?

Дж. М. Кейнс (1883–1946) совершил подлинную научную революцию в политической экономии, обосновав необходимость регулирования рыночной экономики государством. Напомню коротко содержание его аргументации, так как это очень существенно.

Рыночной экономике, по мнению Дж. Кейнса, присуще, с одной стороны, гибкое и адаптивное производство, способное отвечать самым сложным запросам потребителей. С другой стороны, она не справляется иногда с жизненно важными проблемами, возникающими перед обществом, что объективно обуславливает необходимость вмешательства государства в рыночную систему. Ее величеству «невидимой руке рынка» в классическом ее понимании как силы, регулирующей все и вся при частной собственности на факторы производства, пришел конец. Самостоятельно капитализм свободной конкуренции не может уже функционировать эффективно. Просто Дж. Кейнс – гений, в отличие от многих буржуазных экономистов, без идеологических вывертов, трезво взглянул на состояние капиталистической экономики после великого кризиса 1929–1933 гг. Да и работа В.И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916 г.) была уже переведена на английский язык. А там изложены основные факторы, приводящие капитализм свободной конкуренции в состояние государственно-монополистического капитализма. Это никоим образом не умаляет величайший вклад Кейнса в развитие экономической теории. Просто он вник в прочитанный материал. А что он его читал даже в оригинале, нет никаких сомнений, так как его жена Лидия Лопухова была русской по национальности. Кроме того, Кейнс посетил СССР трижды – в 1925, 1928 и в 1936 гг. и видел не только плоды советского планирования, но и всю разницу в темпах развития двух экономических систем. Ортодоксальный буржуазный экономист, правоверный сторонник рыночной экономики и частной собственности, Кейнс не принимал жесткое планирование в советской экономике, но не мог не оценить его внушительные результаты. Особенно его сразила 100%-я занятость рабочей силы. Экономика СССР менялась прямо на его глазах. Это именно ему принадлежит знаменитая фраза о СССР: «Вся страна – одна большая стройка».

С учетом этой информации привожу аргументацию Кейнса в пользу государственного регулирования экономики (ГРЭ) в вольном переложении:

1. Концентрация производства в условиях НТП привела к образованию монополий, гигантских предприятий, которые по существу отрицают конкурентную экономику, подминают ее под свои собственные интересы, хотя сами являются ее порождением.

2. Научно-технический прогресс резко увеличил масштабы производства, накоплений, развил и укрепил международные экономические отношения. Победа в конкурентной борьбе в этой сфере имеет для страны стратегическое значение.

3. Циклическое развитие рыночной экономики приводит к периодическим социальным и экономическим потрясениям.

4. Государство только тогда может эффективно вести политику, когда оно само становится субъектом рыночной экономики.

5. Государство сильно своей социальной политикой так же, как и экономикой. Оно обеспечивает равенство граждан перед законом, их личную и экономическую свободу.

6. По мнению Дж.М. Кейнса, наиболее крупным недостатком современного капитализма является чрезмерное неравенство в распределении доходов. «Я думаю, – писал он, – что есть известное социальное и психологическое оправдание для значительного неравенства доходов и богатств, однако отнюдь не для такого большого разрыва, какой существует сейчас» [6, с. 360]. Не говоря уже о проблемах занятости, макроэкономического равновесия, инфляции и т.д.

Учитывая, что капитализм является открытой экономической и социальной системой, способной к саморазвитию и самосовершенствованию, указанные выше причины и факторы ГРЭ не только не исчезают со временем, а развиваются количественно и качественно, постоянно воспроизводя необходимость ГРЭ. Свидетельством сказанного является появление со временем множества недостатков рыночной системы, которые острее и негативнее проявляются с развитием экономики и усиливают тенденции ГРЭ. Так, например, свободная рыночная система:

- не способствует сохранению невозпроизводимых ресурсов;
- не имеет экономического механизма защиты окружающей среды. Только законодательные акты могут заставить предпринимателей вкладывать средства в экологически чистые производства;
- не может регулировать использование ресурсов, принадлежащих всему человечеству, например, рыбных богатств океана;
- игнорирует иногда потенциально отрицательные, порой разрушительные последствия принимаемых решений;
- не создает стимулов для производства товаров и услуг коллективного пользования (дороги, дамбы, образование, общественный транспорт и т.д.);
- не гарантирует права граждан на труд и доход, не обеспечивает справедливого перераспределения доходов. По словам П. Самуэльсона, рыночная экономика постоянно воспроизводит существенное неравенство;
- она не обеспечивает фундаментальных исследований в науке;
- ориентирована не на производство социально необходимых товаров, а на удовлетворение запросов тех, кто имеет деньги;

– подвержена нестабильному развитию с присущими этому рецессионными и инфляционными процессами [1].

Очевидно, что раз рыночная экономика не может справиться с множющимися проблемами социального, экономического, экологического и др. характера, за их решение вынуждено браться государство. Стало быть, с развитием рыночной системы количественно и качественно необходимость государственного регулирования не только воспроизводится постоянно, но и требуются его активизация, совершенствование и разнообразие форм его реализации. О чем нас и предупреждало содержание книги Дж.М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег».

Основная цель, стоящая перед государством в политике регулирования экономики, прежде всего, поддержание макроэкономического равновесия и обеспечение общественного воспроизводства. Рычаги государственного вмешательства в экономику были указаны Дж.М. Кейнсом в названии его основной работы «Общая теория занятости, процента и денег». Государство, по мнению Кейнса, регулируя занятость, обеспечивает большую социальную стабильность капиталистической экономики, делая кредит более доступным, помогает деловым людям выходить из конъюнктурных трудностей, заботясь о крепости и устойчивости денег и строго регулируя их количество в обращении, преодолевает инфляцию, делает бизнес прогнозируемым, а в целом оно регулирует экономику. Кроме того, Кейнсом были разработаны и более конкретные формы регулирования в зависимости от состояния факторов рынка. Он разработал теорию мультипликации, а также встроенных в экономику стабилизаторов, теорию стимулирования эффективного спроса, теорию равновесия денежного и товарного рынков, в целом теория антициклического регулирования. И множество других более мелких вопросов и проблем, сопутствующих ГРЭ [1].

Такое значительное напоминание сути кейнсианства понадобилось мне для того, чтобы поставить вопрос перед читателем – какой из перечисленных выше факторов или причин, обусловивших ГРЭ по Кейнсу сегодня перестал действовать или ослабил свое воздействие? Абсолютно убежден, что ни один экономист, политик, социолог не назовет ни одной причины. Наоборот, они усиливают свое воздействие. Даже самые упертые сторонники теории рациональных ожиданий, монетаризма, теории общественного выбора и сонма других теорий при всем своем желании не смогут назвать ни одной причины, переставшей быть таковой для объективной необходимости ГРЭ.

Тогда о чем идет речь в разделах учебников по экономической теории, по истории экономических учений, в отдельных работах современных и прошлых времен экономистов, когда пишут о кризисе кейнсианства? В наиболее известном советском учебнике по политической экономии читаем: «В 70-х годах кризис теорий “экономического роста” стал наиболее очевидным. Экономический кризис 1973–1975 гг., вызванный им рост инфляции и безработицы показали всю несостоятельность методов государственно-монополистического регулирования» [11, с. 553]. Насчет «всей несостоятельности» кейнсианства в данном учебнике, проникнутом насквозь партийной идеологией, понятно. В эту эпоху в СССР ни одна буржуазная экономическая теория не воспринималась позитивно.

Читаем более позднюю работу (2006 г.) известного российского экономиста Р.М. Гусейнова «Доминирование кейнсианства в экономической теории Запада продолжалось до середины 70-х годов. Кризис 1973–1975 гг. привел и к кризису кейнсианства» [4, с. 364].

Пожалуй, наиболее обобщенно «кризис кейнсианства» выражен в следующем высказывании: «Главной причиной завершения “века кейнсианства” в экономической теории Запада явилось общее ухудшение хозяйственной конъюнктуры в 70-х – начале 80-х гг. В 1973–1975 гг. западному миру довелось пережить самый тяжелый за весь послевоенный период циклический спад. В результате после “серебряных” 50-х и “золотых” 60-х гг. темпы экономического роста в 70-х гг. значительно понизились. В начале следующего десятилетия экономику наиболее развитых стран поразил еще один циклический кризис 1980–1982 гг. По глубине падения основных макроэкономических показателей эти спады значительно уступали “великому кризису” 1929–1933 гг., но намного превосходили все послевоенные рецессии. Между тем инструментарий неокейнсианства (теории экономического роста, концепции цикла и антициклического регулирования и др.) был связан с поддержанием устойчивого динамического равновесия и нацелен, в частности, против отрицательных последствий циклических колебаний. Возрождение глубоких кризисных спадов означало несомненную дискредитацию указанного инструментария» [12]. Я понимаю, что привлекать «студопедию» в качестве источника научной информации не очень корректно для научной статьи, но они попали в самую точку. Сравните для вящей убедительности вышесказанное с мнением следующего автора, которого ни один экономист в мире не назовет несерьезным.

Кризис кейнсианства знаменитый историк экономической мысли М. Блауг называет *контрреволюцией* [3, с. 620]. А главное, считает, что так называемому кризису кейнсианства поспособствовали его же последователи: Лейонхуфвуд, Клауэр, Хикс, Хансен и др. «Лейонхуфвуд опубликовал книгу под названием “О кейнсианской теории и теории Кейнса”, которая доказывала, что стандартная модель Хикса – Хансена, выраженная диаграммой $IS - LM$, которую всем студентам преподавали в качестве очищенной версии того, что на самом деле имел в виду Кейнс, не соответствует ни букве, ни духу “Общей теории...”» [3, с. 620].

И последнее: «Государственное регулирование требовало повышенных средств бюджета, что вело к постоянному дефициту, росту государственного долга, инфляции. Хозяйственная жизнь постепенно бюрократизировалась, всеобщее увлечение методами регулирования вело к снижению экономических стимулов и замедляло темпы экономического роста. Уже в 50–60-е гг. XX в. базовые постулаты, выработанные представителями кейнсианской школы, были опровергнуты или по крайней мере поставлены под сомнение экономистами» [8, с. 66]. А что хотели критики кейнсианства? Осуществлять государственное регулирование без квалифицированного аппарата этого регулирования? Это же политика. Кадры надо готовить. Куда тут без бюрократии, государственного долга при решении вышеперечисленных проблем, особенно занятости, общественных работ и т.д., где открываются большие возможности для наживы. Естественно, против этих явлений надо бороться, но ведь ГРЭ куда важнее принципиально.

Столько литературных свидетельств по вопросу «кризиса кейнсианства» мне понадобилось для того, чтобы показать, что этот процесс (кризис) признается всеми направлениями экономической науки. На Западе и на Востоке. Как в недалеком прошлом, так и в настоящем. Критика кейнсианства разная: наиболее непримиримая в советскую эпоху, более щадящая в современной российской экономической среде и взвешенная в западной экономической мысли.

Чтобы расставить точки над *i*, сделаем для сравнения небольшое лирическое отступление. Мы все знаем, что научно-технический прогресс неотвратим. Есть в науке просто открытия, большие и революционные открытия. К последним в физике относится теория расщепления атомного ядра – ядерной реакции. Сделали свое дело немец Ган, итальянец Ферми, датчанин Нильс Бор, американец Оппенгеймер, русский Курчатов и т.д. Но виноваты ли вышеперечисленные физики в том, что США сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки? Одни открыли, другие применили результаты открытия. До сих пор человечество носитя со своим великим открытием, строит атомные станции, двигатели, планирует на их основе осуществить космические путешествия, однако продолжает совершенствоваться и атомное оружие, доведя его до уровня обычных артиллерийских снарядов.

Дж. М. Кейнс открыл и обосновал теорию государственного регулирования рыночной капиталистической экономики. Во-первых, это открытие не только незыблемо, но и 90-летняя практика социально-экономического развития мировой экономики подтверждает ее актуальность. Формы ГРЭ до сих пор множатся и разнообразятся. Какие-то из них изживают себя, другие, наоборот, появляются и актуализируются. Во-вторых, саму практику государственного регулирования осуществляет ведь не Кейнс, гениальный экономист, а другие люди, государственные деятели той или иной квалификации, в той или иной степени владеющие экономическими знаниями. Не говоря уже о степени знания ими самой теории ГРЭ Кейнса. Примеры Хикса, Хансена, Клауэра и других выдающихся экономистов показывают, что не только политики, но и экономисты не все одинаково понимают эту теорию и ее инструментарий. Каждый трактует их по-своему. И здесь мы возвращаемся к порочному советскому «К. Маркс этим хотел сказать...». Только западные и наши российские экономисты заменили Маркса на Кейнса. И все. Ничего не изменилось.

Кроме того, мы все знаем, что даже национальные экономики развитых стран с рыночной экономикой совершенно разные. В Германии рыночная экономика функционирует в виде «социального рыночного хозяйства», во Франции – «регулируемого капитализма – дирижизма», в Японии господствуют в экономике «семейные отношения» с псевдопятилетними планами и т.д. Не говоря уже о России, которая только-только переходит к рыночной системе. Как же кейнсианский инструментарий может быть одинаково эффективным или неэффективным в этих странах с такой разной рыночной экономикой? А национальные отличия, а временные отличия и уровни экономического развития стран, которые в разной степени актуализируют элементы кейнсианской теории? А национальный менталитет? Что они Кейнс и что им Кейнс? Если где-то кейнсианские методы ГРЭ не срабаты-

вают – виноват ли в этом Кейнс? И означает ли это кризис кейнсианства? Хочу напомнить слегка смягченные слова профессора Преображенского из бессмертного «Собачьего сердца» М.А. Булгакова о том, что «разруха не в экономике, а в головах». Аналогично. никоим образом речь не может идти о кризисе кейнсианства, если время и объективные экономические условия развития мировой и национальных экономик требуют расширения и поиска новых форм ГРЭ. Речь может идти исключительно о понимании кейнсианства и его инструментария экономистами и политиками, методах, приемах и способах их применения в условиях конкретной национальной экономики. Об изменениях в экономике в результате ее развития и учете этих изменений в практике ГРЭ. Наконец, об определении места и значения того или иного инструмента кейнсианства с учетом изменений в экономике со временем об учете национального менталитета в процессе применения кейнсианских методов ГРЭ.

Что же говорить о России, которая принципиально отличается от стран с развитой рыночной экономикой. Если Англия, Франция, США, Япония, Германия неизменно и все более активно используют кейнсианство в своей экономической политике, то нам использование кейнсианства предопределено изначально, нашей экономической историей. Суровые природно-климатические условия, гигантские географические пространства, отсутствие связи между поселениями зимой определили общину как образ жизни россиян, а вместе с этим и сакральное отношение к государству, без указующей роли которого невозможно было выжить. Чрезвычайное изобилие природных ресурсов, каноны русской православной церкви и община с ее взаимопомощью сформировали не буржуазный характер мышления россиянина. И это в течение тысячелетий. Поэтому мы – россияне – другие, чем люди на Западе. Мы представляем другой мир, у нас другие моральные и духовные ценности, другие обычаи и традиции, мы более духовны и более человечны, зато менее буржуазны и менее меркантильны. Довольствуемся разумным достатком. В целом народы России неприхотливы. Но ведь быть другим – не значит быть плохим, не значит, что мы хуже. А раз мы другие, то и путь наш социальный, политический и экономический специфически другой. Будем искать эталон подражания где-то на Западе или Востоке, нам обеспечено экономическое прозябание. Ведь именно это мы пытались сделать в 90-е годы. Известно же, что «социальные системы не клонируются». Если в Западной Европе государство никогда не брало на себя экономических функций, то в России власть всегда играла особую роль, активно регламентировала экономическую деятельность и управляла ею административными методами. Следовательно, недопустимо, опираясь на общеэкономические принципы функционирования общественного производства, навязывать нам модель, адаптированную к определенным социально-экономическим условиям и этико-духовным ценностям одной или нескольких наций, у которых этические нормы, духовные ценности и ориентиры совершенно иного рода [2, с. 208].

Наша история нам подсказывает, что Россия экономически всегда жила по Кейнсу, притом задолго до самого Кейнса. Недаром российский экономист С.С. Дзарасов назвал свою последнюю монографию столь значительной и с глубоким смыслом: «Куда Кейнс зовет Россию?». Ответ не так прост

и прост одновременно. С одной стороны, мы все время жили по Кейнсу и внутренне воспринимаем его учение глубже, чем на Западе. Оно соответствует нашему национальному менталитету. Потому ответ прост. С другой – С.С. Дзарасов считает, что Кейнс зовет нас к планово-рыночной экономике. Но стоит ли совмещать несовместимое. Автор опирается на опыт Китая. Но ведь эта великая страна столь же отличается от нас, как мы от Запада. Поэтому нет никакой необходимости уходить от Кейнса, который не принимал плановую экономику. Он зовет нас к государственно регулируемому капитализму. Разница между нашими мнениями существенная, ибо я не очень понимаю содержание «планируемого рынка». Так же, как в советское время не понимал теоретиков «рыночного социализма». Но мы едины в одном – в необходимости активного государственного регулирования экономики. Различия – в степени активности ГРЭ – то ли на уровне планирования, то ли – регулирования.

Именно поэтому автор данной работы никогда не считал уместным писать о мнимом или мифическом кризисе кейнсианства. Тем более для России. Надо иметь в виду, что флуктуации экономической мысли по поводу кейнсианства совпадают с длинными волнами Н. Кондратьева. А в силу ускорения социальных, экономических и политических процессов и в более короткие циклы. А почему? Да потому, что в эти процессы вмешивается государство. Какой же это кризис кейнсианства? Президент США Трамп один, своими действиями все четыре года своего президентства ставил в тупик всех экономистов, пишущих о кризисе кейнсианства потому, что столь активного государственного регулирования экономики в США не знали со времен «Нового курса» Ф. Рузвельта. Если в 70-е гг. и в последующие периоды кейнсианство отодвигалось как бы на задний план то институционализмом, то теорией общественного выбора, то монетаризмом, то теорией рациональных ожиданий, то это означает, что современные экономисты за стремительно развивающейся экономической практикой на авансцену экономической науки выводили то одну, то другую из них. Но ни одна из них серьезной конкуренции кейнсианству так и не составила. Да и они скорее просто дополнили его, вовсе не став его оппонентом. В то же время, например, монетаризм и ТОВ основаны на стольких априорных допущениях и якобы аксиомах, что рассматривать из-за них «некий кризис кейнсианства» не имеет смысла. *Следовательно, не кейнсианство в кризисе, а его понимание в современной экономической теории.*

Кейнсианство сыграло исключительную роль в стабилизации капиталистического способа производства. Неоклассические же теории свободного рыночного хозяйства, по мнению сторонников которых капиталистическая рыночная система через цены и конкуренцию способна-таки к саморегулированию, это ни что иное, как старые песни на новый лад. Они возникают в периоды подъема или экономического роста и затухают в периоды спадов или кризисов. В первом случае возобновляются разговоры о «кризисе» кейнсианства, а во втором – об актуализации кейнсианства. Но ни в первом случае, ни во втором постулаты кейнсианства никуда не исчезают, а остаются актуальными. Практика свидетельствует, что нет ни одной развитой технологически державы, чья экономика после великого кризиса

1929–1933 гг. и до сегодняшнего дня весьма и весьма жестко не регулировалась бы государством.

Однако анализ кейнсианства И. Лакатосом, английским социологом и экономистом венгерского происхождения выходит за рамки обычного критического разбора теории. Он разработал концепцию научно-исследовательских программ (НИП), которую описал в своем труде «История науки и ее рациональные реконструкции» [9] и пропустил сквозь нее множество социологических и экономических теорий. Честь быть проанализированной И. Лакатосом выпала и кейнсианству.

В концепции Лакатоса функцию доминирующей силы науки выполняет научно-исследовательская программа, состоящая из «жесткого ядра», опирающегося на априорно принятых предпосылках и допущениях, которые должны быть неопровержимы. «Жесткое ядро» окружено и защищено «предохранительным поясом», который видоизменяется и приспособливается к изменяющейся социальной и экономической обстановке. Изменения в конкретной научно-исследовательской программе, по И. Лакатосу, происходят за счет изменений в «предохранительном поясе». Существенным моментом здесь является то, что изменения не могут касаться «жесткого ядра» программы. Если изменения коснутся «жесткого ядра», то научно-исследовательская программа меняется. По моему глубокому убеждению, И. Лакатос, мягко говоря, чуть иначе трактует теорию научных революций Т. Куна. Только у Т. Куна в центре всего анализа стоит научная парадигма, а у И. Лакатоса «твердое ядро».

И. Лакатос считает, что главным достоинством НИП является ее предсказательная сила. Если программа со временем не теряет эту силу, она рациональна и прогрессивна. Если НИП теряет предсказательную силу и изменения происходят только в «предохранительном поясе», то прекращается прирост знаний и лучше от такой программы отказаться, ибо она перестает быть рациональной и прогрессивной. То есть наступает регресс программы.

Таким образом, Лакатос считал, что научно-исследовательская программа может быть прогрессивной или регрессивной. По мере развития науки прогрессивные программы вытесняют регрессивные. И. Лакатос напрямую не назвал кейнсианство регрессирующей теорией, но вывод об этом вытекает из логики его анализа. На мой взгляд, НИП И. Лакатоса искусственное построение, плохо учитывающее диалектику, время.

И вот какие результаты применения теории НИП И. Лакатоса мы получаем в других экономических науках. «Отставание теоретического роста бухгалтерского учета от появления новых типов экономических событий, экономических отношений и объектов общеизвестно, на основании чего мы делаем вывод, что научно-исследовательская программа бухгалтерского учета находится на стадии регрессии» [9, с. 51]. Не более и не менее. По А.Е. Ковалеву бухгалтерский учет – древнейшая наука, зародившаяся с зарождением первых государств вообще, деградирует. Ибо регресс и есть деградация. Не могу согласиться с г. Ковалевым. Возможно, Лакатос прав в отношении физики, химии, где возможно предвидение соответствующих научных событий. Ковалев не учел, что отставание «теоретического роста бухгалтерского учета от появления новых типов экономических событий»

является имманентным свойством всех экономических наук, в том числе и экономической теории.

Во времени реальная жизнь, практика, всегда подбрасывает сюрпризы экономической теории, опережая ее постоянно. В этом смысле экономическая теория как бы отстающая наука. Но именно отсюда вытекает очень интересная особенность этой удивительной науки. Поскольку в реальной экономической действительности никогда одни и те же события не повторяются дважды в чистом виде, каждый раз экономисту необходимо выяснять, что изменилось в прецеденте, какие новые привходящие факторы появились в анализируемом событии. Без этого ответ на вопрос, осмысление события не будет полным, а решение проблемы – верным. Следовательно, экономическая теория по существу является наукой разовых решений. В этом и заключается ее двойственность: с одной стороны, она очень трудна для усвоения, ибо совсем готовых клише она практике не дает, ибо все меняется. Если в физике, например, всегда строго выверены пропорции между сечением проводника и сопротивлением, то тут не всегда дважды два четыре. С другой стороны, именно это подчеркивает ее диалектичность, громадный потенциал ее развития, но никак не регресс. Сказанное выше в той или иной мере касается всех экономических наук.

И. Лакатос является серьезным ученым и нашел свой «золотой» ключ в методологии исследования любой науки – находить в ней некую «научно-исследовательскую программу». Нашел новое прокрустово ложе, куда он впишет все науки, определяя, как ему кажется, некую меру их научности. И на этом он построил свою научную карьеру. Но он серьезно оконфузился в анализе «научно-исследовательской программы» Дж.М. Кейнса, нарушив в ее анализе принцип историзма, что недопустимо для столь серьезного ученого. За громким именем И. Лакатоса следуют более молодые ученые, которые пишут не только «о кризисе кейнсианства», но и о деградации кейнсианской НИП, которую Кейнс не разрабатывал. Имея исследовательское чутье, цитируемый ниже автор признает, что «признаки деградации кейнсианской НИП все же не привели к элиминации ее «твердого ядра» (С.Н. Черновол). И на том спасибо.

И в свете сказанного ставлю вопрос – можно ли входить в эпоху Кейнса с современной терминологией и говорить от его имени о «твердом ядре», «защитном или предохранительном поясе» и т.д. кейнсианства? Если твердо придерживаться принципа историзма, то нет. В анализе исторических событий нельзя применять двойные стандарты. Принцип историзма означает рассмотрение всякого явления в его развитии: зарождении, становлении и отмирании. Принцип историзма предполагает необходимость оценки исторических фактов и процессов не с позиций сегодняшнего опыта, а с учетом той конкретной исторической обстановки, в которой они свершались [10, с. 149]. Вот и М. Блауг отмечает: «Действительно, всегда существуют два вида опасности при оценке работ ранних авторов: одна – видеть только их ошибки и недостатки без учета объективных ограничений, – как состояние анализа, с которого пришлось начинать, и исторические условия, в которых им довелось работать; другая опасность – возвеличивать их достоинства в стремлении открыть идеи, опередившие их время, а часто и их собствен-

ные намерения» [3, с. 3]. Здесь уместно привести пример советских экономистов-историков, которые, взяв за эталон объективности исследования К. Маркса, сделали его оселком проверки научной объективности других экономистов. И что удивительно, экономистов, живших как до него, так и после него. Но если второе все же более или менее понятно, то первое во все не красит советских экономистов. Так, например, отдавая дань вкладу А. Смита и Д. Рикардо в экономическую мысль и признавая их классиками политической экономии, ставили им в вину то, что они не открыли теорию прибавочной стоимости. «Задача историка экономической мысли – показать, как определенные убеждения ведут к различным видам анализа, а затем задаться вопросом, сохраняет ли этот анализ свое значение, если его освободить от идеологической подкладки» [3, с. 5]. Не будем обвинять И. Лакатоса в идеологическом подходе, но то, что он нарушил правила применения исторического подхода и принципа историзма – это точно. Имел ли он право на это? Безусловно! Ибо против указанных методов исследования восстает им же открытый метод «научно-исследовательских программ». И в этом смысле он логичен.

Подведем итоги. Во-первых, как было установлено, маятник активного применения методов кейнсианского регулирования совпадает с циклическим развитием рыночной экономики. В условиях кризиса участники рыночного процесса сами заинтересованы в ГРЭ, положительно воспринимают его и охотно делятся доходами с государством. В годы подъема они сопротивляются ГРЭ, так как рыночные механизмы вроде бы хорошо справляются с возникающими проблемами. Но это иллюзия, так как государство из экономики никуда не уходит, а всего лишь отпускает узду. В следующем цикле все снова повторяется. «Маятник этот будет качаться до тех пор, пока существуют рынок и государство» [4, с. 365]. Но означает ли это «кризис кейнсианства»? Ни в коем случае. Это означает всего лишь выход ГРЭ на передовые позиции в условиях кризиса или просто спада, который сменяется отходом его в тень в периоды подъема. Само же кейнсианство от этого только набирает силу и становится более разнообразным и более актуальным.

Во-вторых, кейнсианство давно перешагнуло за рамки национальных экономик и стало международным явлением. О чем свидетельствуют регулярные заседания «большой семерки», «большой двадцатки» и различные международные экономические и политические объединения и союзы: ЕС, ШОС, БРИКС, АСЕАН и т.д., которые ни разу не вспомнили о «кризисе кейнсианства» и просто исходят из него в попытках регулирования уже мировой экономики.

В-третьих, для России с ее относительными неудачами рыночных преобразований, сакральным отношением к государству как к верховному рефери и ведущей экономической силе, ГРЭ является единственно возможной и эффективной формой построения рыночной экономики. Стало быть, рыночная экономика с мощным и эффективным государственным участием, а значит, и государственным регулированием, является наиболее вероятной перспективой России. Это государственный капитализм. Вот куда Кейнс зовет Россию. Именно это я и хотел показать в своей работе.

Литература

1. *Баликов В.З.* Современная экономика России: М. Фридман против Дж. Кейнса // Вестник ТГУ. Серия «Экономика». 2019. № 42.
2. *Баликов В.З.* Экономические исследования: история, теория, методология. М.: Инфра-М, 2020. 349 с.
3. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд, 1994. 687 с.
4. *Гусейнов Р.М., Семенихина В.А.* Экономическая история. История экономических учений. М.: Омега-Л, 2008. 384 с.
5. *Дзарасов Солтан.* Куда Кейнс зовет Россию? М.: Алгоритм, 2012. 303 с.
6. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. М.: Наука, 1978. 494 с.
7. *Ковалев А.Е.* Теория многомерного бухгалтерского учета. Новосибирск: НГУЭУ, 2016. 283 с.
8. Курс экономики / под ред. проф. Б.А. Райзберга. М.: Инфра-М, 2000. 711 с.
9. *Лакатос И.* История науки и ее рациональные реконструкции. М.: Прогресс, 1978. 327 с.
10. *Орехов А.М.* Методы экономических исследований. М.: Инфра-М, 2009. 392 с.
11. Политическая экономия. Учебник для вузов. Т. 1. М.: Политиздат, 1976. 607 с.
12. www.Studopedia.su. (дата обращения: 12.01.2021).

Bibliography

1. *Balikoev V.Z.* Sovremennaja jekonomika Rossii: M. Fridman protiv Dzh. Kejnса // Vestnik TGU. Serija «Jekonomika». 2019. № 42.
2. *Balikoev V.Z.* Jekonomicheskie issledovanija: istorija, teorija, metodologija. M.: Infra-M, 2020. 349 p.
3. *Blaug M.* Jekonomicheskaja mysl' v retrospektive. M.: Delo Ltd, 1994. 687 p.
4. *Gusejnov R.M., Semenihina V.A.* Jekonomicheskaja istorija. Istorija jekonomicheskikh uchenij. M.: Omega-L, 2008. 384 p.
5. *Dzarasov Soltan.* Kuda Kejnс zovet Rossiju? M.: Algoritm, 2012. 303 p.
6. *Kejnс Dzh.M.* Obshhaja teorija zanjatosti, procenta i deneg. M.: Nauka, 1978. 494 p.
7. *Kovalev A.E.* Teorija mnogomernogo buhgalterskogo ucheta. Novosibirsk: NGUJeU, 2016. 283 p.
8. Kurs jekonomiki / pod red. prof. B.A. Rajzberga. M.: Infra-M, 2000. 711 p.
9. *Lakatos I.* Istorija nauki i ejo racional'nye rekonstrukcii. M.: Progress, 1978. 327 p.
10. *Orehov A.M.* Metody jekonomicheskikh issledovanij. M.: Infra-M, 2009. 392 p.
11. Politicheskaja jekonomija. Uchebnik dlja vuzov. T. 1. M.: Politizdat, 1976. 607 p.
12. www.Studopedia.su. (data obrashhenija: 12.01.2021).